

СОКРОВИЩА
КЕХНО

Тото Нойдон
Сокровища Кехно.

«Автор»

2026

Нойдон Т.

Сокровища Кехно. / Т. Нойдон — «Автор», 2026

Карельская тайга хранит вековые тайны, о которых прежде воспевали вепсы. Лесной дух Кéхно — хранитель сокровищ. Каких именно — не знает даже он сам. Сто сорок девять лет безупречной службы — и одна ночь, после которой всё рухнуло. В тайгу вошла геологическая экспедиция. Верховный бог Юмой приказывает Кéхно остановить людей любой ценой. Дух тумана Вейко, лишённый силы за дерзость, жаждет мести. Богиня болот Сбйден ведёт свою игру. Волк-оборотень Вёлли уводит людей туда, откуда не возвращаются. Враги они или союзники Кéхно? Среди геологов — девушка, которой бабушка передала неведомую силу. Сможет ли она ею воспользоваться? Опытный таёжник-проводник слышит тайгу, но молчит. Как поведёт себя мажор в дикой тайге? Профессор университета против аномалии — кто победит? Кéхно должен добраться до Камня на семи ветрах. В нём — ответ на все вопросы. Успеет ли? Враги уже ждут. А путь хранителя ещё не окончен — он только начинается.

© Нойдон Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Тото Нойдон

Сокровища Кехно.

Глава

Тото Нойдон.

Сокровища Кехно.

Глава 1. День первый. Мир духов. Утро.

Кéхно, раздражённо ворча, пробирался сквозь густые заросли молодого ельника. В тайге стояла такая тишина, что было слышно собственное дыхание. Обычно в это время без умолку щебетали птицы, жужжали надоедливые комары. Сейчас же всё смолкло. Может, притаились перед советом новой луны у Верховного, на который сегодня с отчётами приглашены все духи?

По этому особому случаю Кéхно надел семейную реликвию — старый дедовский китель, выструганный из ольхового пня. На плече духа сидела жаба, вцепившись лапками в потрескавшуюся кору кителя и выпученными глазами следя за каждым движением лесного духа.

— Проспать перед встречей с самим Юмой... — Кéхно покосился на жабу. — Это всё ты. Не разбудил вовремя, а мне ещё обход делать. Сто сорок девять лет безупречной службы — и всё насмарку из-за тебя. Я ни разу не опаздывал на совет. А ведь мне скоро стукнет шестьсот пятьдесят — возраст, когда духи начинают ценить не только силу, но и безупречную репутацию. Вот если что на совете пойдёт не так — всех твоих болотных шижликов заставлю гимн тайги исполнять. Тысячу раз. Пока не упадут от усталости. И ты во главе с ними.

— Да какой из меня шижлик! — обиженно квакнула жаба. — Я не дух на побегушках. Сам Хáнд поставил меня над всей живностью в болоте — жабами, лягушками, пиявками, — лишь тебе приказал служить. Считай, на повышении. А ты — шижлик...

Кéхно злобно хихикнул, отчего по спине жабы пробежал заметный озноб.

— На повышении он. Начальник над лягушками, а прислуживаешь мне. Вот тебе и повышение, — старый дух крикнул и серьёзно добавил: — Ещё этот ураган ночной. Я такого и не припомню в наших краях.

— Отпустил бы меня, я всё осознал, каюсь, — запричитала жаба, уловив момент.

— Не квакай тут жалобно, — проворчал Кéхно, сморщив нос. — Без тебя тошно. С чего это мне тебя прощать? Уже и так распоясались, дальше некуда.

— Так я не за спасибо же, — быстро проговорила жаба, — я тебе помогу с хозяйкой болот один на один встретиться.

Кéхно резко остановился и испуганно огляделся.

— Ты как прознал, что мне это нужно?

— Так глаза-то у меня есть, — улыбнулась жаба, — давно наблюдаю, как ты на неё смотришь. Я молчать умею, не переживай. А ещё могу вас свести, если простишь нашу оплошность.

— Хитрая ты жаба, Лёс, — покачал головой Кéхно. — Ладно, договорились. На первый раз, так и быть, прошу, но помни: за тобой должок.

— В любой момент, милостивый господин! — выдохнул с облегчением Лёс.

Дух остановился, присел и небрежно снял жабу с плеча, опустив её на траву. Лёс мгновенно запрыгал к болоту.

Кéхно осмотрелся. Ураган оставил после себя бурелом — многие тропы исчезли под завалами. Даже ему, хранителю с немалым стажем, было отчего сбиться с пути. Хорошо, что за столько лет, обходя эти места, он установил не одну сотню тайных меток.

Но сперва он обратил внимание на другое. Ветер, что ночью обрушился на тайгу, был странным. Не злым — Кéхно помнил злые ветры, те оставляли после себя мятежную, тяжёлую

тишину. Этот же дул так, словно гнал кого-то прочь, уводил, отгораживал — как мать, что загоняет детей в дом перед грозой, не спрашивая, хотят ли они. Кéхно повёл носом: ни запаха гнили, ни характерной горечи, какую оставляют бури, рождённые злобой. Только свежесть, как после долгого дождя. Нет, этот ураган не рушил — он убирал. Вопрос — что и от кого?

— Так, вековой валун на месте, — довольно пробормотал лесной дух, возвращаясь к своим меткам. — Сейчас бы обернуться невидимым и напрямки к схрону улететь, да не тут-то было. Такие, как Лёс, учуют след от заговора и найдут тайный схрон. А этого допустить нельзя. Никак нельзя...

Кéхно, заботливо придерживая китель, который в любой момент грозил осыпаться трухой, поковылял дальше.

— Пятьсот лет жил себе беззаботно, — ворчал он, — был просто лесом, играл с туманом и выращивал грибы да ягоды. А потом — совершеннолетие, и всё. Служба у Хáнда, хозяина леса. Дисциплина, задания, отчёты. Хорошо хоть дедовский китель позволили носить, а не ивовую форму, похожую на бабий сарафан.

Он погладил поросший мхом китель. Так, бурча и стараясь не трещать сухими ветками, дух вышел к схрону. Тысячелетиями его род охранял это место. Что именно спрятано здесь, не знал никто. Даже сам Кéхно мог только догадываться, вспоминая намёки деда: от этого схрона зависит жизнь самой тайги. Люди, о которых он слышал только из сказок, в последнее время подобрались ближе, чем когда бы то ни было. Кéхно ещё прошлым обходом заметил свежую вырубку на дальнем краю участка — деревья срублены ровно, под корень, и пни торчали, как обглоданные кости. А теперь ещё этот ураган. Позволить людям наткнуться на схрон означало погубить тысячи жизней обитателей тайги. Поэтому то, что случилось сегодня, могло обернуться страшной бедой.

— Ух ты, как тут похозяйничали, — проворчал старый дух. — Вот дел-то наворотили! А мне теперь разгребай...

Весь участок был завален вырванными с корнем соснами. Они лежали в беспорядке, вдоль и поперёк, образуя такой бурелом, что даже Кéхно, сняв с себя китель и прислонив его к ближайшей сосне, с трудом протиснулся между ними. С одной стороны, это было и к лучшему: кабаны тропы, которые могли привести сюда редких охотников, теперь намертво погребены под толстым слоем опавшей листвы, веток и стволов. Ручьи, текущие от подземных ключей, столкнувшись с новыми препятствиями, послушно обогнули их, проложив себе новое русло.

Но Кéхно не смотрел на завалы. Он смотрел на охранные камни. Граница была нарушена. Кровь отхлынула от лица. Руки задрожали.

— Этого ещё не хватало! — дрожащим голосом прошептал он. — Ну, если схрон вскрыли... сгину я навечно в Мёртвой пади.

Он стал тщательно просматривать округу. Человечьих следов не обнаружил. Уже хорошо.

Кéхно медленно выпрямился, вытянул руки и, шепча заклинание, стал осторожно поднимать поваленные деревья, что завалили схрон.

— Хоть бы всё было на месте, — тихо причитал он.

Огромный гранитный камень лежал на старом месте нетронутым. Ягель вокруг него не был примят. Запаха от возможных заговоров Кéхно тоже не учуял. Значит, сокровище не тронуто.

Кéхно опустился на землю, не чувствуя ног. Схрон цел.

— Пронесло... — выдохнул он, но в груди всё ещё дрожала холодная струна страха. — Теперь нужно вернуть всё как было — и идти на совет. Сообщить Верховному о случившемся, и будь что будет.

Он сидел, глядя на китель деда, и в голове крутилось одно: не запятнать бы честь рода. Виноват он — ему и отвечать. Дед не виноват, что внук оказался ротозеем.

Но тревога не уходила. Кто-то нарочно устроил этот бурелом. И если это была проверка — он её почти провалил.

Глава 2. День первый. Мир людей. Утро.

В то же утро в Калевальском районе Сергей Борисович с трудом пробирался через непроходимый бурелом. Ураганный ветер, этой ночью неожиданно обрушился на тайгу, сильно помял вековой лес. Такого буйства даже старожилы не припоминали. Были, конечно, сильные ветра, но чтобы вот так...

Сергей Борисович остановился, преодолев очередную преграду из сосен, рядом поваленных на его пути.

— Ну неужели нельзя было отложить экспедицию? — вслух недоумевал старик. — Я бы проверил старые тропы и обновил маршрут. Нет же, упёрлись: «Выходим на маршрут, и всё!» Сезон у них закрывается, видите ли, а год они ждать не могут. Ну что с них взять-то — городские.

Он сплюнул под ноги и, достав из кармана горсть чищенных семечек, закинул их себе в рот. Логику их он, конечно, понимал: спонсор подгоняет. Тому в кабинете не понять живой тайги. Так что не отвага, а дата, скинутая сверху, вшилась им в мозг. Но понимание не означало согласие.

Сегодня утром Сергея Борисовича насторожило другое. Тишина. Не та привычная, когда замолкает один звук, а за ним по цепочке подхватываются остальные. Сейчас будто звук в телевизоре выключили. Казалось, птицы разом покинули эти места, а кроны деревьев замерли в оцепенении. На огромном болоте, помнящем ещё ледники, тоже было тихо. Ни шелеста камыша, ни радостного кваканья его обитателей. Туда и прежде нелегко было пройти по невидимым кочкам, а теперь ещё и зловещая тишина, да переломанный ураганом лес, в который лучше не соваться. А идти-то надо.

Вячеслав Юрьевич — глава экспедиции, профессор Петрозаводского университета, рано утром звонил и говорил, что их уже доставили на вертолёт недалеко от деревни, где жил Сергей Борисович, и высадили на поляне. Скинул координаты.

Так что его ждала группа из пяти человек. Экспедиция направлялась в сторону Кумского водохранилища, в места настолько дремучие, что никто не решался лететь туда даже на вертолёт, не то что идти пешком. Старожилы поговаривали, что там обитают лесные духи, которые людей ни разу не видели. Те, кто пытался зайти в те места, сгинули безвозвратно. Даже вертолёты сбивались с курса и исчезали. Одним словом, аномальная зона.

Вячеслав Юрьевич уверял, что их оснастили современной цифровой аппаратурой и прямой спутниковой связью, так что они точно не заблудятся. А если что-то случится, МЧС найдёт группу — каждый участник снабжён датчиком на автономном питании.

Сергей Борисович шёл, напрягая все силы. Бурелом цеплялся за одежду сухими ветками, под ногами хрустели осколки коры и острые камни. Воздух был густым и влажным, мешал дышать. Он знал эту местность как свои пять пальцев, но даже для него бурелом был серьёзным испытанием. Но думал он не о себе, а о тех пятерых, которые ждали. Молодые, полные энтузиазма — и потому особенно беззащитные перед тем, чего нельзя предвидеть. Он машинально провёл ладонью по стволу ближайшей берёзы и замер. Кора была сухой, тёплой, но по ней, поперёк годичных колец, тянулась длинная трещина — ровная, будто проведённая ножом. Такой надрез делают, когда берут берёзовый сок. Но сейчас уже начало лета. Сок уже не берут, а надрез свежий, необычный. Обычно его делают вдоль ствола, чтобы дерево не погибло. А эта трещина шла поперёк, словно кто-то пытался разорвать берёзу изнутри. Сергей Борисович отёрнул руку. Его словно обожгло. Он понял: тут произошло что-то необычное, и это не рука человека.

Вдруг впереди послышался шум. На фоне тотальной тишины это прозвучало так резко, что Сергей Борисович замер, стиснув зубы. Рука машинально потянулась к топору, висевшему

на кожаном ремне. Он прислушался. Голоса. Человеческие. Выдохнул, но до конца не расслабился. Стараясь не хрустеть, ускорил шаг и наконец протиснулся сквозь последний заслон из повалённых стволов.

Лес расступился. Экспедиционная группа в ожидании расположилась на поляне.

— Сергей Борисович! Наконец-то! — воскликнул Вячеслав Юрьевич, увидев проводника. — Мы уже начали сомневаться, что вы найдёте дорогу. Этот бурелом...

— Не волнуйтесь, Вячеслав Юрьевич, как видите, я уже здесь, — спокойно ответил пожилой мужчина. — Сейчас передохну немного, а потом двинемся дальше. Покажу, как обойти самые сложные участки.

— Знакомьтесь, Сергей Борисович, — Вячеслав Юрьевич обвёл рукой группу. — Мои студенты. Полевая практика, весенний семестр прослушали мои лекции, теперь я их в тайгу вывел, пусть налаживают геолого-практические навыки.

Старик усмехнулся в усы. Он помнил себя в двадцать с лишним лет — такой же уверенный, что мир ещё не видел никого умнее.

— Александр. За технику и связь отвечает. Он у нас старший в группе — на него можно положиться.

Высокий жилистый парень в комбинезоне цвета хаки шагнул вперёд и протянул руку. Чёрные волосы, широкие скулы, взгляд прямой. Держался так, будто отвечает за всех, хотя за него ещё никто не просил. Рукопожатие было крепким, чуть дольше, чем нужно, — будто проверял: выдержишь или нет.

— Костя. Тоже геолог, но... скажем так, на практике по специальной программе.

Парень в стильной синей куртке и кожаных берцах неохотно поднялся с рюкзака, на котором развалился, и протянул руку не глядя. Невысокий, мускулистый, джинсовые брюки, телефон в другой руке. Рукопожатие вялое, ладонь сухая и прохладная. Вячеслав Юрьевич при этих словах чуть отвёл взгляд, и Сергей Борисович это заметил.

— Катя. Геолог-разведчик, но дополнительно врач группы — у неё медицинское образование.

Светловолосая девушка с косой подошла спокойно, без суеты. Красная куртка, непромокаемые брюки, сапоги — всё по делу, ничего лишнего. Стройная, собранная. Пожала руку уверенно и посмотрела в глаза — внимательно, оценивающе, но без вызова. «За эту можно не беспокоиться», — подумал Сергей Борисович.

— И Даша. Геолог. А вообще она у нас душа компании — увлекается вепсской культурой, изучает дохристианские верования. Она у нас самая младшая, так что будем приглядывать за ней.

Вячеслав Юрьевич сказал это с улыбкой, но Даша не улыбнулась. Рыженькая, с россыпью веснушек, в простой, неброской одежде. Пожала руку мягко, но не слабо — и не отпустила сразу, а на мгновение задержала ладонь, будто пыталась что-то почувствовать. В глазах — ожидание, она пришла не просто в поход, а на встречу с чем-то, о чём читала в книгах.

— Рад знакомству, — сказал Сергей Борисович сдержанно, без лишних эмоций. — Тогда сразу по делу. У нас времени в обрез, а тайга не любит суеты.

Он скользнул взглядом по вещам, уже подготовленным к переходу. Ярро-оранжевые рюкзаки, плотно набитые, походили на огромные початки кукурузы за спиной. Рядом аккуратной пирамидой стояли пять алюминиевых ящиков — полтора метра в длину, полметра в ширину и с полметра в высоту.

— И это всё вы собираетесь тащить с собой через непроходимую тайгу, да ещё после того, как ураган сильно причесал лес? — изумился Сергей Борисович. — А вездеход у вас случайно не припрятан где-нибудь?

Руководитель экспедиции улыбнулся, но улыбка вышла чуть торопливой.

— Сергей Борисович, это же не просто рюкзаки. Это наше снаряжение. У нас с собой новейшее оборудование для научных исследований. — Он махнул рукой в сторону ящиков. — А это мобильная лаборатория. Прямо в тайге мы сможем проводить анализы. В Карелии множество полезных ископаемых и других ценных ресурсов. Наши предварительные исследования показали, что здесь могут быть обнаружены очень интересные месторождения. Ну а для тяжёлых ящиков у нас есть мощные дроны. Они и будут переносить их по воздуху.

— А для переноса команды по воздуху дронов не нашлось? — усмехнувшись в усы, поинтересовался старик.

— Дроны рассчитаны на груз, а не на пассажиров, — вмешался Александр. — Могу приделать вам пропеллер, полетите следом.

— А ну, Александр, не грубить! — осёк его Вячеслав Юрьевич. — Если дроны вдруг и откажут, ты потащишь лабораторию на себе. Понял?

Он посмотрел на проводника и нервно улыбнулся. Сергей Борисович скептически покачал головой. Для него, человека, привыкшего к минимализму и опоре на собственные силы, такое количество багажа казалось дикостью. В его представлении поход в тайгу — это лёгкость, свобода движения и единение с природой. А тут — целый передвижной штаб.

— Но вы же понимаете, что мы идём в самые глухие места, — сказал Сергей Борисович. — Там не то что техника — там и человек с трудом пройдёт. Да и вертолёты в тех краях с курса сбивались и иногда пропадали. Не зря старожилы говорят про аномальную зону и лесных духов — людей в тех местах ни разу не видели.

— Так это ещё одна причина, почему мы тут. Если в тех местах есть месторождения редкоземельных металлов, это может объяснить и пропажи, и странности с техникой, — с каким-то юношеским задором, воодушевлённо возразил руководитель экспедиции.

Молодые участники переглянулись. Костя, развалившийся на траве прямо с рюкзаком под головой, хмыкнул:

— Про духов им старожилы рассказывали! Как вам, ребята? Классика жанра. Батя, вы ещё про лучшего нам поведайте, пока мы тут рядом с цивилизацией. Вдруг страшно станет и мы все повернём обратно!

Катя тихо перебила его:

— Да ладно тебе, Костя. Может, и правда что-то в этом есть. Ведь не просто так вертолёты пропадали... Я читала про похожие случаи в других заповедниках.

— Читала она, — буркнул Костя, не отрываясь от телефона. — А я тебе говорю: у страха глаза велики. Если бы там реально было что-то опасное, уже давно бы всё исследовали. Насмотрелась телевизора, вот тебе тут уже и тайга с духами мерещится. Слабо проверить? Техника иногда выходит из строя, это нормально.

— Ты хоть раз был в лесу без связи? — резко ответила Катя, убирая телефон. — Я — нет. И, если честно, мне уже не по себе. Слишком тихо.

Александр пожал плечами. Он выглядел уверенно, но голос его чуть дрогнул:

— Если что-то и случится — спутниковая связь и МЧС нас вытащат. А духи... это ж просто рассказы, чтобы трусов пугать.

Даша, тихая до этого момента, сжала ремень рюкзака и сказала, почти себе под нос:

— А вдруг это не сказки... Лес словно нас слушает.

Сергей Борисович внимательно посмотрел на неё. Впервые за всё время его лицо смягчилось.

— А ты права, дочка. Лес — он всегда слушает. Вопрос только — что он услышит.

Вячеслав Юрьевич обвёл группу строгим взглядом и с лёгким укором уверенно заявил:

— Легенды о духах и аномальных зонах — это лишь байки для туристов. Мы пришли сюда за наукой, за открытиями. И связь у нас есть: Александр проверил — всё работает исправно. Значит, и дальше будет работать.

Молодёжь закивала, но без прежнего энтузиазма. Костя машинально постучал пальцем по корпусу спутникового телефона, словно проверяя, жив ли он. Александр, стоявший чуть в стороне, молча крутил в руках датчик, хмурился, но ничего не говорил.

Сергей Борисович вздохнул. Он знал, что спорить бесполезно: эти люди верят в силу техники и в то, что утренний сеанс связи — гарантия безопасности. Но он хорошо знал тайгу и понимал, что тишина, которая сейчас накрыла лес, — предупреждение, которое лучше не игнорировать. Она была тяжёлой, густой, будто тайга затаила дыхание перед нападением.

— Хорошо, — произнёс он наконец, и в голосе его не было ни капли уступчивости. — Давайте распределим это богатство. Только сразу скажу: ваши дроны, ваша связь, ваша спутниковая лаборатория — всё это станет мёртвым грузом, как только мы уйдём километров на десять вглубь. Там не то что дроны — там компас с ума сходит. Так что тащите, пока можете. А если что — я вас предупредил.

Он резко развернулся к лесу и бросил через плечо:

— Пошли уж. Времени у нас в обрез. И чтобы никто не отставал.

Резкий порыв ветра бесшумно шевельнул верхушки деревьев. На мгновение показалось, что лес тихо выдохнул в ответ. Никто не обратил на это внимания — кроме Сергея Борисовича. Он глянул на небо, нахмурился и медленно покачал головой, будто услышал то, чего не должны были слышать остальные. Но шагнул в лесную темноту. Только сжатая челюсть да побелевшие костяшки пальцев на рукояти топора выдавали его беспокойство.

Глава 3. День первый. Мир духов. День.

Там, где даже лунный свет не пробивался сквозь сплетение древних елей, перед Юмой собрались духи со всех уголков Карелии. Место это не было отмечено на картах — оно существовало как тёмное пятно в самой сердцевине тайги. Здесь воздух всегда был холоднее, чем вокруг, и отдавал каким-то древним, ледяным, почти космическим ароматом. В центре возвышался огромный сейд, прочно стоявший на трёх маленьких камнях. В хаотичном порядке из земли торчали монолитные глыбы причудливых форм. Вроде бы обычные камни, но каждый из них был воротами, порталом для духов со всех уголков Карелии. Сейд же был тронм Юмой, верховного бога природы севера.

Сейчас он восседал на этом огромном замшелом валуне. Его облик был величествен: высокий старик в плаще из утреннего тумана, вместо лица — тёмный силуэт с горящими глазами цвета болотной воды. Полупрозрачная борода висела в воздухе, будто в невесомости. Над монолитами парили духи леса, ветра, болот и озёр. Тишина была абсолютной. Даже ветер не осмеливался шелестеть травой.

Юмой медленно обвёл взглядом собравшихся. Голос его прозвучал, словно раскат грома:

— Люди пришли в тайгу, кто в этом виновен?

Духи тихо зашептали. Один из младших, дух болотного тумана Вейко, попытался раствориться, но Юмой лишь повёл пальцем — и туман сжался обратно. Мать болот, несравненная Сойден, разложила складки платья на своём камне, расшитого пучками багульника, пропитанного ядом росы. Верховный с укором бросил на неё взгляд. Богиня, взмахнув покрытой тиной рукой, подобрала свой божественный наряд и опустила голову. Каждый задавал себе вопрос, не он ли случаем стал виновным в глазах Верховного.

Юмой ждал, строго оглядывая собравшихся. Наконец, прикрывшись еловой ветвью, будто щитом, вперёд выдвинулся Кехно. Голос его дрогнул и тут же выровнялся:

— Я проспал утренний обход, но про людей ничего не знал. Кто-то пытался пробраться к сокровищам. Ураганом навалил деревьев. Не то место точное искали, не то подход к схрону усложняли. Я так понимаю, меня испытывали. Я виноват лишь в том, что проспал свою вахту, впервые за сто сорок девять лет! А всё потому, что подчинённые Лёса не разбудили меня, хотя это их прямые обязанности.

Юмой медленно повернул голову к Кехно.

— Сто сорок девять лет ты и правда служил исправно. Это похвально, — медленно заговорил Верховный. — Но первая же оплошность — и ты прячешься за спину подчинённого? — Его голос был тихим, и от этого — страшнее любого крика. — Ты хранитель, Кéхно. Вахта — твоя. Проспал ты, не Лёс. Он виноват в другом, и ответит за это. Но за свою вахту отвечаешь ты сам. Запомни это.

Кéхно вжался в дедовский китель, со скрипом опустил голову и замолчал. Лёс не ожидал такого предательства, и его жабы глаза чуть не выпали от удивления и страха.

— Повелитель, — жалобно заквакал он. — Я мелкий дух, обязан подчиняться. Меня пригласили на попойку, и я не посмел отказать. Болотное снадобье было на удивление крепким, и я захмелел. Потому и проспал момент, когда Вейко окутал своим туманом наше болото. Из-за него я не увидел рассвет.

Лёс предусмотрительно не стал упоминать Сбйден, которая его милостиво пригласила расслабиться, а указал на известного уже давно нарушителя покоя.

— Снова я слышу твоё имя, непокорный дух! — проговорил Юмой, обращаясь к Вейко.

— Но я шептал им в уши, пытаюсь разбудить. Как и всегда, — стал оправдываться дух, снова пытаюсь раствориться, — но они...

— Молчи, жалкий туман! — остановил его Верховный. — Мало ты бед натворил? Напомнить, как ты полвека назад сбил с курса вертолёт людей? Ты оставил в нём часть себя — и с тех пор люди, что были на борту, стали видеть нас слишком ясно. Чувствовать, где мы, что делаем. Теперь они ищут нас.

Все взгляды обратились к Вейко. Тот, удерживаемый силой верховного бога, слегка покачивался, а в его чёрных глазницах загорелся злой огонь. Он дёрнулся, пытаюсь выкрутиться, но, почувствовав, что сила Верховного только крепнет, вдруг перестал сопротивляться и стал оправдываться:

— Они сами полезли в меня! Я только изменил курс. Хотел, чтобы они повернули назад. А они начали снимать меня на свои железки. Я разозлился и... показал им силу. Чтобы боялись!

Юмой поднялся. Его фигура выросла, и кроны деревьев над ним наклонились. Духи исчезли за монолитами, чтобы случайно не встретиться с глазами Верховного. Лишь Вейко бездвигно висел, скованный силой своего повелителя.

— Разозлился? — тихо повторил Юмой. Его взгляд насквозь прожигал туманное тело виновного. — Мы — закон тайги. Мы не играем. Мы охраняем. А ты, Вейко, нарушил порядок. Ты дал людям повод поверить, что мы — просто страшилки. Но и этого тебе показалось мало, ты уже не хочешь помогать братьям. Из-за такой халатности и они нарушили дисциплину. И вот люди возвращаются, чтобы найти нас. А может, и не только нас...

Вейко вскинулся:

— А что бы ты сделал, Верховный? — Юмой прищурился, но промолчал. — Они ведь и с нашим вмешательством не останавливаются! Ярве вон молчит, — Вейко с вызовом глянул на духа озера, — а люди, когда нашли остров Белой смерти и разбили камень-следовик, закрыли ещё один портал силы. Он и пальцем не шевельнул!

Ярве вздрогнул и спрятал руки в водянистой пене своего одеяния. «Опять вспомнили», — пряча глаза от стыда, подумал он. Верховный не повернулся к Ярве, но голос его стал жёстче:

— А кто должен был скрывать остров густым туманом? Не ты ли, Вейко? И да будет тебе известно, что портал до сих пор защищён. Просто тебе уже нет надобности знать, как именно.

— А шунгит? — голос Вейко дрогнул. — Они начали добычу у древних ключей — и мутные воды потекли там, где тысячелетиями была хрустальная чистота. Оянемаг, может, скажешь им, как пахнут отравленные родники?

Оянемаг открыла было рот, но Юмой опередил её.

— Люди странные создания, — согласился Верховный. — Они добывают шунгит для очистки воды и тут же загрязняют родники. Но шунгита много. Хватит на всех. Он делает то, для чего создан — продолжает очищать воды тайги. И пока справляется.

— А духи Хибинских пещер из последних сил удерживают входы, где скрыты тайны древней Чуди, — не сдавался Вейко. — Надолго ли их хватит? Я сделал то, чего вы все боитесь, — показал им, что мы существуем. Может, страх — единственное, что их остановит!

Юмой медленно наклонился к Вейко. От этого движения воздух вокруг загустел и стал колючим.

— Ты всё сказал? — спросил Верховный. Вейко опустил глаза и замолчал.

Кехно, как никто другой, понимал, о чём говорит дух тумана. И от этого было ещё страшнее — потому что в словах Вейко была доля правды. Теперь люди ищут их и то, что охраняет он. И если найдут — тайга исчезнет. Безвозвратно. Кехно уже представил, как его сущность растворяется в Мёртвой пади. Он стиснул зубы так, что кора на скулах пошла трещинами, и заставил себя выбросить эту мысль. Не сейчас. Сначала — дело.

Юмой взглянул на Лёса, потом на Кехно и остановил свой грозный взгляд на Вейко.

— Вот моё решение! — Верховный продолжал испепелять его взглядом. — Я забираю у тебя имя и силу. Ты станешь ветром, вечно уносящим утренний туман прочь.

Земля дрогнула. Монолиты слегка качнулись. Юмой перевёл взгляд на Кехно:

— Ты отправишься на встречу к людям и, если потребуется, то и ценой своей жизни помешаешь им найти сокровища, охраняя тайну, доверенную тебе. Твоя задача вернуть их туда, откуда пришли — любой ценой!

И наконец Верховный посмотрел на Лёса. Тот съёжился, и кожа на его лапах пошла рябью, будто болото почувствовало страх своего духа.

— Ты потерял право быть стражем, шижлик, — произнёс Юмой, и каждое слово падало, как камень в стоячую воду. — Отныне ты будешь голосом болота. Каждое утро ты обязан первым возвестить рассвет — кваканьем, которое разгоняет туман. Пусть это будет твой единственный звонкий голос, и пусть он звучит ровно тогда, когда должен. Если же ты снова потянешься к хмельному снадобью или пропустишь рассвет — твоё тело станет тяжёлым, как ил, и болото медленно затянет тебя до следующей луны. Понял меня?

Лёс поёжился. Холод уже полз по его коже, превращая капли росы на лапах в иней. Духи замерли. Вейко, горя яростью от такой несправедливости, сжался в плотное облако, но возразить не посмел. Какое-то время он метал чёрные взгляды в окруживших его духов, ища поддержки или хотя бы сочувствия. Но всё было тщетно. Все прятали от него глаза. Отчаявшись, он процедил сквозь зубы:

— Вы пожалеете, что не поверили мне.

Он сжался, потемнел и растворился в очертаниях своего камня.

Юмой медленно опустил обратно на валун.

— А теперь разойдитесь. Люди уже идут. Готовьтесь встретить их как подобает духам севера. Пусть они узнают, с кем столкнулись.

Духи постепенно стали растворяться в воздухе. Взгляд Юмой был устремлён вдаль, туда, где за буреломом уже двигалась экспедиция, ведомая Сергеем Борисовичем.

Кехно, поймав этот взгляд, поспешил в ту сторону. Китель мешал ему, цеплялся за ветви, скрипел, теряя остатки коры. Кехно остановился. Он стянул с себя этот старый семейный символ величия, бережно воткнул его в ягель возле векового валуна и, поглаживая мох, умирающий на трухлявом стволе, прошептал:

— Покойся с миром, мой верный помощник, охрана и гордость нашего рода. Я пока не достоин носить тебя. Но если я вернусь, восстановив славу рода, то с гордостью надену тебя вновь. А если не будет так, пусть камень, в который ушёл мой дед, станет тебе вечным убежищем.

Кёхно выпрямился. Его душа готова была вырваться наружу. Ком подступил к сердцевине ствола. Но он взял себя в руки. Прочитал заклятие невидимости и, резко взметнув вверх, исчез между стволами сосен.

Глава 4. День первый. Мир людей. Ночь.

Белые ночи покрыли карельскую тайгу мягким, призрачным пологом, где сумерки не решались перейти во тьму, а застыли в вечном предрассветном ожидании. Солнце не пряталось за горизонтом, но и не слепило глаза, мягко разливая по небу бледно-синие и серебристые тона. В низинах, между высокими соснами и редкими карельскими берёзами, струился лёгкий туман, делая очертания предметов зыбкими и ненадёжными. Костёр, разведённый на небольшом возвышении недалеко от речки, бросал оранжевые отблески на лица сидящих вокруг него людей, выхватывая из полумрака усталые, но сосредоточенные глаза. Экспедиция пробиралась по намеченному маршруту уже целый день. Идти было сложно. Поваленные деревья заставляли обходить большие участки, что усложнило и без того трудный переход. Чтобы хоть как-то разрядить напряжённость, молодёжь уговорила провожатого рассказать что-то необычное из его огромного опыта исследования этих мест.

Сергей Борисович, с седой бородкой и глубокими морщинами у глаз, помешивал трещащие в костре угли длинной палкой. Он знал эту землю не по картам, а по многолетним переходам, по запахам мокрого торфа и скрипу мёрзлой земли под ногами. Он не спешил начинать рассказ, давая молодым коллегам привыкнуть к тишине. Наконец, когда угли вспыхнули особенно ярко, он откашлялся.

— Было это зимой, — начал он негромко. В его голосе, тихом и ровном, чувствовалось тепло, будто от углей, которые тлели в костре. — Года три назад. Шёл я с одной точки на другую, путь неблизкий, километров под шестьдесят. Мороз под сорок, тишина — звон в ушах. Иду я вдоль русла замёрзшего ручья, и вдруг замечаю: из-под снега, метрах в пятнадцати от меня, пробивается свет. Не отражение луны, не свет фонаря. Свет как бы изнутри земли, ровный, зеленовато-голубой, будто где-то глубоко под мёрзлым грунтом включили лампу дневного света.

Сергей Борисович сделал паузу, глотнул горячего чая из кружки. Вдалеке прокуковала кукушка. Студенты, притихшие было, зашевелились. Александр тут же подался вперёд, глаза его горели научным азартом.

— Фосфорное испарение! — почти выкрикнул он. — Трупное разложение. Зимой, конечно, маловероятно, но если под снегом давно погибло стадо оленей или крупный хищник, мог образоваться биогенный газ. Фосфин, например. Самовоспламеняется на воздухе, даёт холодное свечение!

— Да какой фосфин, Саша, тут всё промёрзло, ничего не разлагается! — мягко осадил его Катя, девушка с русыми волосами, заплетёнными в тугую косу. — Это, скорее всего, разновидность полярного сияния, только низовая. Известны случаи, когда магнитные бури вызывают свечение у самой поверхности земли. Просто малоизученный феномен.

— О какой мерзлоте ты говоришь? — возразил парень. — Это же Карелия, а не Якутия.

— Спорите вы тут, а по-моему, это просто игра воображения, — лениво протянул Костя, развалившись на спальнике с электроподогревом и попивая чай из термкружки с логотипом. — Ночь, мороз, мозг с голодухи и усталости догоняет. Глюки, господа. Чистый трип без веществ. Сергей Борисович шёл долго, организм устал, мозг дорисовал картинку. Бывает.

— Не всё объясняется глюками, Костя, — тихо возразила Даша. Она сидела чуть поодаль, обхватив колени руками, и смотрела в огонь задумчиво, почти испуганно. Голос её дрогнул. — В тайге... ну, как старики говорят, есть места, где земля дышит. Где духи лесные показывают свою силу, предостерегают от опасности или наоборот, хотят погубить... Может, это знак был? Или предупреждение?

— Даша, ты бы ещё в Бабу Ягу поверила! — фыркнул Александр. — Духи! Мы научная экспедиция, а не шаманский кружок.

— Наука, — неожиданно жёстко перебил его голос от входа в палатку. К костру вышел Вячеслав Юрьевич, начальник экспедиции, мужчина среднего телосложения, жилистый, с лицом, обветренным до бронзового отлива. Он подбросил в огонь сухое полено, и пламя на миг вспыхнуло ярче, выхватив из темноты его лицо. — Наука требует доказательств, а не криков. И, Катерина, не ссылайся на мерзлоту — её в Карелии нет. Промёрзший грунт — да, сезонное промерзание — сколько угодно. Но не мерзлота. Давайте без экзотики. Сергей Борисович, вы уверены, что это не было отражением от вашего же снаряжения? Налобный фонарь, искра от зажигалки?

— Уверен, — спокойно ответил Сергей Борисович. — У меня нет снаряжения, как у вас. Фонарь был выключен. Свет шёл из-под земли, из-под слоя снега и льда примерно в метр толщиной. Я подошёл ближе, метра на два. Свечение было холодным, пульсирующим. Оно исходило из глубины, и интенсивность его менялась волнами. Длилось это около семи минут. Потом свет померк, словно кто-то медленно выкрутил ручку регулятора.

Вячеслав Юрьевич нахмурился, сел на раскладной стул и, достав записную книжку, начал черкать какие-то пометки. Он привык командовать и требовать отчётов — и сейчас говорил жёстко, не допуская пустых фантазий.

— Всё, что вы рассказываете, имеет физическую природу. Феномен триболюминесценции, например. При сильном сжатии и трении кристаллов горных пород в зонах тектонических разломов может выделяться свет. Или кристаллолюминесценция — свечение при замерзании переохлаждённой воды. Но это редкие процессы. Академик Вернадский и его последователи неоднократно фиксировали аналогичные случаи в зонах глубокого промерзания грунта. Происки мистики здесь ни при чём.

— Но почему тогда наука не может на сто процентов объяснить каждое такое явление? — тихо спросила Даша, поднимая глаза на начальника.

Вячеслав Юрьевич помолчал, затем усмехнулся уголком рта:

— Потому что на каждое объяснение у природы есть свой ответ. Всё, что кажется непонятным, — это лишь вопрос времени и приборов. Мы ищем то, что можно измерить, Даша. Духи в протокол не попадают.

Сергей Борисович лишь едва заметно кивнул головой. Он наблюдал за дискуссией со стороны, улыбнулся в усы, но ничего не добавил. Он потянулся, поднялся, хрустнув коленями, и отошёл к краю лагеря, вглядываясь в мутную белесую бесконечность тайги. Внизу тихо текла речка, иногда давая о себе знать всплеском воды о берег, да медленное покачивание веток нарушало тишину природы. Где-то там, в глубине сосновых боров, спала древняя тайна, которая не подчинялась ни физике, ни химии, ни скепсису молодых теоретиков. Сергею Борисовичу вдруг показалось, что на горизонте блеснули два зелёных огонька, словно кто-то взглянул на него. Точно такого же зеленовато-голубого оттенка, как то свечение из-под снега. Он оглянулся на ребят и задумчиво почесал бороду.

Костёр догорал, в палатках мирно спали ребята, и лишь красноватые угли тихо дышали дымком, уходящим в светлое, бессонное небо белых ночей. Сергей Борисович ещё долго сидел у потухающего костра, вглядываясь в ту сторону, где мелькнули изумрудные огоньки.

Глава 5. День первый. Мир духов. Ночь.

Кехно, прочитав заклинание невидимости, мчался между стволами. Время для него тянулось иначе: час полёта был как вздох, а десятки километров — как один долгий шаг в мире людей. Он вспоминал всё, что о них слышал. Ещё молодым отец рассказывал ему о том, как люди заходят в тайгу, рубят лес, добывают камни и потом уходят, оставляя лес залечивать раны. Он очень боялся встретиться с такими злыми существами лично. Поэтому Кехно решил прежде понаблюдать за ними со стороны.

И вот на горизонте он заметил дымок от костра. До него стали доноситься как знакомые, так и новые запахи. Один был кисловатым, как вода из лесного ручья, что долго текла через торф и насытилась железом — чистая, прозрачная, но с особой, чуть металлической ноткой, которую дух знал с детства. Сейчас запах был резче, будто железо здесь не просто пряталось в воде, а горело в воздухе. Кéхно понял, что люди сейчас используют этот металл. Он вспомнил, как ему рассказывали про топоры и пилы, которыми те рубили лес. Неужели они снова пришли причинять боль тайге? Дух принялся. Он уловил ещё один запах, густой и тяжёлый, как дыхание загнанного зверя. Дед говорил, что так пахнет человеческая усталость. Значит, сейчас сидящие у костра ослаблены. Но Кéхно не слышал, чтобы валили деревья или разбивали камни. Неужели люди нашли другой способ вредить тайге? В ноздрях у Кéхно заципало, и он резко выдохнул — получился тихий ухающий звук, такой же приглушённый, как крик совы в густой кроне: он растворился в шорохе хвои и не долетел до костра. Резкий, неприятный аромат заполнил пространство. Дух замахал руками.

— Фу, какой дурной дух... — проворчал он. — Будто чужак тут оставил свой след. Надо бы себя обезопасить.

Кéхно прочитал ещё одно заклинание, и неприятный запах ушёл. Теперь он во что бы то ни стало решил подлететь поближе и узнать об их намерениях.

Кéхно осторожно снизился, когда до лагеря оставалось не более полусотни метров. Завис среди густых ветвей старой ели, слившись с хвоей. Из-за заклинания невидимости его не могли видеть, но он всё равно затаил дыхание, как учили его старшие: даже невидимый, ты можешь выдать себя движением воздуха, запахом, случайным шорохом.

Сердце его колотилось гулко и неровно. Люди — настоящие, живые люди — сидели у костра, и Кéхно впервые видел их так близко. Он ожидал увидеть грубых существ со злыми глазами. Но перед ним сидели обычные создания, уставшие после долгого пути. Девушка с русой косой в яркой одежде цвета спелой брусники поправляла огонь, высокий жилистый парень в одеждах цвета сухого мха что-то горячо доказывал, размахивая руками, а невысокий парень в синей куртке развалился на спальнике, держа в руках жуткую плоскую коробочку, из которой исходили волны незримой силы — и не слушал. Самый старший задумчиво смотрел в темноту, туда, где совсем недавно сам Юмой смотрел на них.

«Он что, чувствует взгляд Юмой?» — со страхом подумал Кéхно. — «Так он и меня может почувствовать! Наверно, люди, вдохнув туман Вёйко, теперь имеют такую силу.»

Дух хотел удалиться на безопасное расстояние, но любопытство оказалось сильнее страха.

Кéхно прислушался к их разговору. Не все слова были понятны — люди говорили о вещах, которые лесной дух не понимал. «Газ», «физика», «мерзлота» — эти слова звучали холодно и сухо, будто люди пытались заключить в них душу тайги. Но Кéхно чувствовал в этих словах другое — живое, трепетное, почти детское удивление. Они сами не понимали того, что видели, и пытались объяснить это себе.

«Какие же они странные», — подумал он. — «Как можно, не слыша тайгу, её дыхания, овладеть ею?»

Кéхно обратил внимание на рыженькую девушку с россыпью веснушек, что сидела чуть поодаль от костра и говорила о духах леса. В её голосе он услышал нечто знакомое. Она не смеялась над старыми поверьями, как другие, а произносила их почти шёпотом, словно боялась, что её услышат те, о ком она говорит. Он почувствовал в ней особенную силу. Его это даже насторожило.

Когда костёр догорел и люди разошлись по палаткам, Кéхно остался. Он смотрел, как самый старший, с седой бородой, сидит у тлеющих углей и всматривается в темноту бора. Взгляд его был тяжёлым и пронзительным, и Кéхно на миг показалось, что старик видит его даже сквозь заклинание невидимости.

Кéхно не шевелился. Он ждал. Он хотел улететь, но что-то удерживало его. Этот человек не был злым. Он не рубил лес и не добывал камни. Он просто сидел и смотрел, как лес дышит, как река шепчет, как белая ночь окутывает лес туманным одеялом.

Старшие духи говорили много плохого о людях. Но, глядя на этого старика, Кéхно начал сомневаться в этом. Когда и тот улёгся в палатке, лесной дух наконец решил уединиться, чтобы обдумать увиденное.

Вдруг совсем рядом он услышал едва различимый шорох. В тумане мелькнула серая тень — то ли зверь, то ли сгусток сумрака, который вдруг обрёл очертания. Кéхно почуял знакомый запах. Такой исходил от Хáнда. Дух на всю жизнь его запомнил — запах мудрости и силы. Он насторожился. Неслышные шаги приближались к людям.

— Вот будет замечательно, если этот посланник хозяина леса спугнёт их, — прошептал Кéхно. — Мне меньше забот.

Он решил ещё задержаться, чтобы узнать, чем всё закончится.

Глава 6. День второй. Мир людей. Утро.

Сергей Борисович почти не спал. Белые ночи брали своё: ребята, не привыкшие к ним, долго не могли уснуть. Утомонились под утро, поэтому сейчас в лагере было тихо, только речка шумела где-то внизу, да из палатки доносился мерный храп Кости.

Сергей Борисович сел, хрустнув спиной, и расстегнул спальник. Всё тело ныло. В шестьдесят лет такие переходы даром не проходят. С каждым годом сложные маршруты даются всё труднее. Но болело не только тело. В груди поселилось смутное беспокойство, которое он не мог объяснить словами. Огоньки. Зелёные огоньки на горизонте. Он видел их не впервые — и от этого тревога только усиливалась. Ещё три года назад, когда он наткнулся на то свечение из-под снега, ему тоже потом мерещились эти огни. Тогда он списал всё на усталость и морок белой ночи. Но сейчас... сейчас он видел их явно.

Сергей Борисович вылез из палатки и замер. Над лагерем висел туман. Не обычный утренний туман, а какой-то странный, плотный, молочно-белый. Он лежал слоём около метра высотой, стелясь по земле, и было в нём что-то неестественное.словно кто-то разлил по тайге парное молоко. Провожатый нахмурился и подошёл к кострищу. Угли ещё тлели, но костёр не разжигали — туман был слишком влажным, дым повалил бы едкий, глаза бы заслезились.

Вдруг совсем рядом, будто прямо у уха, прозвучал короткий, сухой смешок — не человеческий, глухой, нагоняющий страх. Он оборвался так же внезапно, как и возник. Мужчина вздрогнул и быстро огляделся. Вроде никто не видит.

— Сергей Борисович? — раздался сонный голос.

Даша высунулась из своей палатки, кутаясь в спальник. Волосы растрепались, на щеке отпечатался след от складки ткани. Она с беспокойством взглянула на провожатого.

— Вы тоже это слышали?

— Что именно? — спокойно уточнил он.

— Смех, странный, будто из фильма ужасов. Слышали?

Девушка с надеждой впиалась глазами в Сергея Борисовича. Ну не слышалось же ей, в самом деле! Умудрённый опытом таёжник не мог допустить паники, но и врать ему было противно.

— Это, наверное, птица или зверь какой, — отмахнулся он. — Тут много разной живности водится. Ты вчера наслушалась историй у костра, вот и накрутила себе невесть что, — стал успокаивать он.

— А вы, наверное, правы, — согласилась Даша. — Хотя я под утро проснулась, и было ощущение, что кто-то ходит рядом с палаткой. Шаги лёгкие, почти невесомые. Я подумала, что это игра ветра.

— Ветра не было, — тихо сказал Сергей Борисович. — Я помню. Не было ветра всю ночь.

Даша побледнела. Она хотела что-то ответить, но из палатки Вячеслава Юрьевича донёлся резкий, напряжённый голос:

— Где моя записная книжка?!

Начальник экспедиции вылетел наружу, одной рукой застёгивая куртку, другой придерживая очки, которые съехали набок. Лицо его было красным от негодования — и от растерянности.

— Я вчера оставил её на раскладном стуле возле костра. Записи за весь вечер! Все пометки, карты, маршруты! Её нет!

Сергей Борисович медленно подошёл к стулу. Металлическая поверхность была влажной от росы. Никаких следов книжки. Он опустил глаза на землю и замер.

На мокрой траве, прямо под стулом, чётко отпечатались след. Не человеческий. Отпечаток был похож на волчий или собачий — четыре пальца, подушечки, когти. Но размер... размер был вдвое больше, чем у любого волка, которого он видел в этих краях. Никто до этой минуты не заметил его. Сергей Борисович огляделся — вроде никто не видит — и аккуратно затёр след ногой. Он медленно выпрямился и посмотрел в сторону леса. Туман понемногу рассеивался, гонимый ветром, но где-то в его молочной глубине, за сотню метров от лагеря, мелькнули и пропали два зелёных огонька.

— Надо собираться, господа учёные, — сказал Сергей Борисович и помолчал. — Путь сегодня нелёгкий. Туман к полудню разойдётся, надо успеть до жары.

— А как быть с моей записной книжкой? — Вячеслав Юрьевич схватил провожатого за руку. — Там же бесценные наблюдения и координаты пройденной местности.

— Восстановите по памяти, — пожав плечами, ответил Сергей Борисович. — На будущее: записывайте в телефон или делайте фотокопии записей. В двадцать первом веке живём всё-таки.

Экспедиция уходила в глубь леса. Из кустов показалась волчья морда. Изумрудные глаза сверкнули — и тут же пропали в тени.

Глава 7. День второй. Мир духов. Утро.

Вейко кружил вокруг ствола ольхи лёгким ветерком, хотя внутри него бушевал ураган ярости, который он едва сдерживал. Он отомстит всем, кто предал его, особенно Верховному за его несправедливый суд. Да, он отнял у Вейко силу, но оставил ум и хитрость. И теперь настало время осуществить задуманное. Он не мог больше пускать туман, но у него есть сестра, которая согласилась ему помочь. Теперь оставалось подождать волка. Вейко намеренно не приближался к людям. Пусть грязную работу делают другие. Хотя в тайге никому доверять нельзя.

Он так нервничал, что не заметил — в трёх шагах от него уже сидел волк и молча вслушивался. Шерсть его отливала серебром в скупом свете белой ночи, глаза горели изумрудным огнём. Волк был огромен — в холке он доставал до груди взрослого мужчины. Грудь его тяжело вздымалась, из пасти вырывался пар.

— Вёлли, сын Ханда, — голос Вейко был резким, словно свист вьюги. — Ты сделал всё, как я просил?

Волк склонил голову.

— Туман твоей сестры лёг над их лагерем, — ответил он. — Я взял записную книгу у людей, как ты велел. Теперь они пойдут по ложному следу.

— Хорошо, — Вейко улыбнулся — обманчиво мило, губы растянулись, обнажая жемчужные зубы. — А ты знаешь, что в ней написано?

— Нет, — опустил голову волк. — Я не знаю человеческого языка.

— Я тебе расскажу, — заговорщицки прошептал Вейко. — Он отмечал в этой книге места, которых нет на картах. Болота, провалы, зоны, где земля глотает шаги. И ещё... он писал про то, что не может объяснить. Про свечение, про туман, про тишину, которая наступает

раньше, чем должен смолкнуть ветер. Он не верит в духов, но записывает всё, что ломает его правила.

Вейко замер, а потом тихо рассмеялся — смехом, в котором не было веселья.

— Он уже нащупал границу. И не понимает, что стоит на краю. Хорошо. Пусть идёт дальше. Нам это только на руку.

Волк шагнул вперёд, лёг у подножия ольхи. Глаза его сузились, но в них читалась древняя, тягучая тоска.

— Зачем мы это делаем, Вейко? Ты говоришь — справедливость. Но я чувствую ложь. Ты врешь мне, как и врешь людям.

Вейко замер. Потом медленно повернул голову к волку.

— Я вру?

— Ты! — волк вскочил, шерсть его вздыбилась. — Ты врешь с того самого дня, как спугнул корову у изгороди дома моего отца. Ты знал, что во мне проснётся звериное. Ты всё подстроил — чтобы отец увидел кровь, чтобы я никогда не вернулся домой!

— Я подстроил? — голос Вейко стал тихим, почти ласковым. — А кто вытащил тебя из оврага, когда охотники загнали тебя и стреляли в упор? Кто выходил тебя, раненого пса, — без еды, без тепла, одного? Ты бы сдох в том овраге, Велли. Сдох, и никто бы не вспомнил. А отец у тебя один — мудрый Ханд.

Волк зарычал, глухо оскалив пасть.

— Не играй с моей памятью! Да, ты спас меня — и тут же украл мою жизнь! Ханд вырастил меня, научил быть волком, но он же и внушал: людям вредить нельзя. Я хотел вернуться к отцу! К людям! А ты напустил туман, и корова напоролась на шест, и я растерзал её, потому что ты знал — так будет! И отец схватил ружьё, и выстрелил в меня! Если бы не твой туман — я бы сейчас жил с ним и с братом. Ты отнял их у меня!

— Отнял? — Вейко опустил глаза, пряча удовлетворение. — А кто снова выходил тебя после того, как родной отец подстрелил?

Волк дёрнулся, будто от удара.

— Он не знал, что это я. Он испугался...

— Он испугался, — согласился Вейко. — И выстрелил. И ты побежал. И кто тебя подобрал? Кто лечил твои раны? Ты называешь меня лжецом, Велли, но я единственный, кто ни разу не предал тебя.

Повисла тяжёлая пауза. Волк молчал, и Вейко знал — теперь уже можно бить в самое слабое место.

— Пока ты прятался в лесу, твой брат рос не один. Ты оберегал его. На расстоянии. Помнишь тот случай, когда он пошёл с друзьями в лес за грибами. Стая волков вышла на них. Мальчишки разбежались, оставили его одного.

— Я помню, — глухо сказал волк.

— Ты ввязался в схватку, отбил стаю, схватил его за ворот и принёс к отцу. И что сделал отец, увидев окровавленного мальчика и волка рядом?

Волк заскулил — тихо, по-собачьи, и тут же осёкся, стиснув зубы.

— Он выстрелил в меня. Снова.

— Снова, — повторил Вейко. — И кто опять тебя выходил?

— Ты.

— И потому я называю тебя братом, Велли. Потому что я — единственный, кто ни разу не поднял на тебя руку. А те, кого ты защищал, — они стреляли. Дважды.

Волк завыл. Низко, протяжно, с болью. Лес вздрогнул. Птицы сорвались с веток. Эхо глухо отозвалось вдали.

— Юмой ведёт этих людей — и твоего брата в первую очередь — в смертельную ловушку. Ты понимаешь? Старик и так пытается вспомнить: огни, туман, ветер, всё помогает ему. Если

он вспомнит и они дойдут — будет поздно. Юмой не допустит этого. Не дай случиться очередной несправедливости, спаси его! И тогда ты вспомнишь язык людей и сможешь поговорить с братом. Объяснишь всё ему. Примиришься с ним!

Волк опустил голову. Дыхание его стало хриплым. Вейко говорил правду — или почти правду? Когда Велли пробрался к лагерю, он не только слышал разговоры людей — он понимал их. Может, он уже умеет говорить по-человечески? Может, Вейко солгал? Но спорить не было сил. Если брат в опасности — остальное неважно.

— Я сделаю, как ты просишь, — глухо ответил он.

Лес замер. Туман у подножия ольхи шевельнулся, стал плотнее, будто вдохнул. И тут Велли услышал шёпот — не ветер, не трава, а чей-то голос, знакомый с детства, голос сестры Вейко. Он узнал его сразу: Сумме.

Слова плыли, как дым, и тонули в белёсой мгле, но одну фразу волк расслышал ясно, и она ударила его, как удар кнутом: «И чужие уже ведут их не туда».

Велли дёрнулся, шерсть на загривке встала дыбом. Это был не совет, не предупреждение — это был упрёк. Будто Сумме смотрела на него и говорила: ты приведёшь их к гибели. Ты станешь орудием.

Он зарычал — тихо, глухо, так, что даже Вейко не услышал. Но туман ответил ему лёгким вздохом, и снова стало тихо.

Где-то далеко, за три холма отсюда, маленький отряд людей пробирался через чащу, даже не подозревая, что уже идёт по чужому следу.

Кехно не двигался, наблюдая, как серая тень скользит к лагерю. Это был волк. Не обычный лесной зверь, а огромных размеров. Шерсть отливала серебром в скупом свете белой ночи, глаза горели изумрудным огнём. Он шёл бесшумно, мягко, ступая так, как Ханд когда-то учил: по мху, обходя сучья.

«Вот сейчас, — в предвкушении подумал Кехно, — он завоёт, сверкнёт глазами, напугает их так, что они побегут обратно. И мне останется только слегка помочь ему, например повалить деревья или заскрипеть, показавшись им на глаза в виде дерева, замахать ветками».

Волк подошёл к лагерю, принялся. Оглядел палатки, кострище и вещи людей. Зверь замер. Кехно залюбовался им. Волк, как и Ханд, умел стоять неподвижно, будто врастал в землю, становился частью леса.

Но потом волк сделал то, чего Кехно не ожидал.

Он подошёл к человеческому пеньку — Кехно ещё вечером приметил его: лёгкий, пахнувший железом и чем-то незнакомым — и осторожно, почти нежно, взял зубами плоский предмет, лежащий на нём. Что это было — Кехно не знал. Предмет пах старым деревом, как сосна, пролежавшая много лет в болоте, и звериной кожей. И волк с ним сразу же бесшумно скрылся во тьме.

Кехно растерянно посмотрел ему вслед. Он подождал: вот сейчас зверь завоёт в ночи. Но волк молчал. Он, крадучись, унёс с собой только этот плоский предмет — и пропал.

Кехно спустился ниже, заглянул на пень. Пусто. Только мокрая трава да свежий отпечаток от лапы волка.

«Плохо работает», — подумал он и раздражённо зашептал в темноту:

— Какой же ты хранитель... Людей надо гнать, а не... что бы это ни было... таскать! Они же завтра проснутся, увидят пропажу — и пойдут дальше, как ни в чём не бывало. Что ты изменил? Ничего!

Но злило его даже не это. Жгло другое.

Юмой поручил ему, Кехно, хранителю с безупречной службой — остановить людей. А Ханд, хозяин леса, вместо того чтобы довериться ему, послал собственного шижлика. Волка.

Почему? Неужели из-за того, что Кéхно проспал вахту? Один раз за столько лет — и Хáнд уже не верит?

Или — а это было хуже всего — Хáнд послал волка не вместо Кéхно, а дополнительно. Потому что у волка личная причина, кровная. Волки за такое готовы жизнь отдать. Кéхно сталкивался с таким. И Хáнд знал, поэтому и решил: лучше послать того, у кого болит сердце, чем того, у кого просто приказ.

Кéхно стало стыдно. Он, лесной дух, хранитель схрона, потомок древнего рода, висел и ждал, когда шижлик сделает его работу. Как Лёс за своими ляшуками. Тот хотя бы жабу изображал, а Кéхно — так, тень на ветке.

«Нет, — решил он. — Хватит прятаться. Прослежу за ним. Куда он понёс эту вещь? К Хáнду? К кому-то ещё? Может, я чего-то не знаю».

Он взметнул вверх и поспешил за волком.

Тот двигался прочь от лагеря. Кéхно держался на расстоянии, передвигаясь бесшумно, чтобы даже запаха его волк не учуял. Зверь не оглядывался — или делал вид, что не оглядывался.

Вскоре он остановился у старой ольхи, росшей на краю небольшой прогалины. И тут Кéхно почувствовал его.

Запах молнии, с горечью — такой оставляют бури, рождённые злобой. Кéхно знал этот запах. Так теперь пахнет Вéйко.

Кéхно замер. Он не стал приближаться. Вéйко — дух тумана, пусть и лишённый силы, — был опасен. Хитрый. И ума у Вéйко было столько, что хватило бы на трёх духов.

Вéйко ждал волка. Кéхно понял это по тому, как спокойно он держался, как говорил первым, не дожидаясь, пока зверь подойдёт.

Кéхно завис за густыми ветвями ели, навстречу ветру, недалеко от ольхи, и стал вслушиваться.

— Вéлли, сын Хáнда, — голос Вéйко был резким, словно свист вьюги. — Ты сделал всё, как я просил?

Волк склонил голову.

— Туман... Я взял... Книгу... — ветер мешал услышать ответ. — Как ты велел... Теперь они пойдут по ложному следу.

Кéхно вздрогнул. «Книгу»? Значит, плоская вещь, которую волк стащил, — называется так? Зачем она Вéйко? И «туман» — но Вéйко лишён силы тумана. Значит, кто-то помогает ему.

— Хорошо, — Вéйко помолчал. — А ты знаешь, что в ней написано?

— Нет, — опустил голову волк. — Я не знаю человеческого языка.

— Я тебе расскажу, — заговорщицки прошептал Вéйко. Ветер мешал разобрать слова, но Кéхно понял суть. Старик, таёжник. Тот, что седой, с бородой. Тот, что смотрел в темноту, будто видел Кéхно сквозь заклятие. Вéйко знал о нём. Знал, что тот уже нащупал границу.

— ...И не понимает, — донеслось до Кéхно, — что стоит на краю. Хорошо. Пусть идёт дальше. Нам это только на руку.

Кéхно ждал, что волк зарычит, возразит, откажется. Но волк молчал. Потом:

— Зачем мы это делаем... Ты говоришь... Но я... Ложь... Людям.

Кéхно закипел от ярости.

— Предатель! — зло прошептал он. — Посмел... С этим бунтарём против Хáнда...

Дальше Кéхно и слушать не захотел. Волк отозвался глухим рычанием, потом заскулил — тихо, по-собачьи — и тут же осёкся.

«Значит, волк больше не хранитель, — думал Кéхно, и страх поднимался в нём, тёмный, тягучий. — Он орудие Вéйко. Хáнд послал его — а Вéйко подобрал. И теперь он ведёт людей в ловушку. По приказу Вéйко».

Кёхно сорвался с места. Прочь. От Вейко, от его голоса, от его запаха. К людям. К тем, кого Юмой поручил ему вывести из тайги, а значит, защитить. Надо поговорить с волком, убедить не идти против закона тайги, не становиться предателем. Он летел между стволов, невидимый, бесшумный, и за ним гнался собственный страх.

Глава 8. День второй. Мир людей. Утро.

Утро выдалось тяжёлым. Постоянно попадались поваленные деревья. Они лежали поперёк троп, будто их швырнули небрежной лапой. Группа шла уже четыре часа, и усталость брала своё.

— Привал, — выдохнул Вячеслав Юрьевич и повалился на траву, стягивая с плеч рюкзак. Он посмотрел на Александра. — Как там дроны?

— Всё в порядке, профессор, — ответил тот, сверяя маршрут. — Дроны уже на заданной точке. Ящики благополучно приземлились, аппараты опустились на них и заряжаются от солнечных батарей.

Костя недовольно проворчал:

— Сколько нам до них ещё плестись?

Александр прикинул:

— Такими темпами часам к шести вечера дойдём.

Вячеслав Юрьевич нахмурился:

— Так, господа, не пойдёт. Мы должны придерживаться графика. У вас было время на физическую подготовку. Не расслабляться.

Он говорил это скорее себе: сам махнул рукой на спортзал, и теперь тело напоминало об этом. Молодые учёные понимали и не обижались. Сергей Борисович не стал садиться. Он отошёл в сторону, вглядываясь в лес.

Места эти он знал двадцать лет. Но сейчас тайга казалась другой. Сразу после ночёвки он услышал мягкую поступь зверя и глухой вскрик совы — а потом звуки стали пропадать. Ни птиц, ни стрекотания кузнечиков, ни даже жужжания комаров. Даже гул цивилизации не доносился, хотя эти места регулярно облетали пожарные вертолёты.

Ещё хуже были приметы на земле: сочная трава и папоротник поникли, местами стали сухими. А ручьи, наоборот, вздулись, будто в них влили лишнюю воду. И самое неприятное — компас. Стрелка дрожала, словно в лихорадке, и указывала не на север, а куда-то в сторону болот.

«Это что-то новенькое», — прошептал Сергей Борисович. Он пристально вгляделся в направление стрелки. Ничего подозрительного. Но он знал: когда тайга замолкает и вода ведёт себя странно — значит, просыпается старая сила.

Проводник вернулся к группе.

— Ну, что, геологи-разведчики, — проговорил он весело, чтобы не сеять панику. — Подъём? Продолжаем путь.

Костя поморщился, но поднялся и натянул тяжёлый рюкзак. Группа двинулась дальше.

В указанной точке их ждал груз, доставленный дронами. Александр оглядел аппараты.

— Вячеслав Юрьевич, — растерянно проговорил он, — дроны разряжены, причём полностью.

— Такого не может быть! — Костя подскочил к ним и стал осматривать машины. Он проверил солнечные батареи, достал приборы. — Дроны полностью заряжены. Просто отключились. Вот, смотри.

Он нажал кнопку, и загорелась зелёная лампочка.

— Паникёр, — презрительно взглянул он на Александра. — Надо просто питание включить. Тут предусмотрен авторежим отключения для экономии заряда.

— Раз такой умный, сам забивай следующий маршрут, — огрызнулся Александр.

— Давай, мне не сложно.

Девушки, Катя и Даша, перешёптывались, наблюдая за перепалкой. Профессор, казалось, ничего не слышал: он скрупулёзно заносил ориентиры в телефон и делал заметки в электронном блокноте. Костя быстро набрал в программе новые координаты. Александр проверил крепления на ящиках и карабины на тросах.

— Полетели? — Костя ехидно улыбнулся и нажал на кнопку запуска. Винты не ожили. Дроны стояли неподвижно.

Вся его спесь улетучилась.

— В чём дело?

Катя подошла, окинула панель презрительным взглядом и ткнула пальцем наугад в одну из кнопок — ничуть не разбираясь, что она делает, но старательно передразнивая тон и манеру Кости.

— Просто нужно было нажать вот эту кнопку!

Тычок пришёлся мимо — на индикатор заряда. Девушки переглянулись и тихо засмеялись. Костя побагровел.

Вячеслав Юрьевич поднялся и подошёл к ребятам. Лицо его выражало беспокойство.

— Всё-таки разряжены?

— С аппаратурой всё в порядке, — спокойно проговорил Александр. — Просто связи нет.

Он показал экран своего телефона. Ни одного деления. Костя метнул на него гневный взгляд.

Сергей Борисович едва улыбнулся себе в усы. Он знал, в чём дело: не разряд и не автоотключение. В этих местах аномалия глушила командный канал. Пульт не мог передать сигнал, потому что воздух здесь был «тяжёлым», как будто пропитанным чужой волей.

— Ну, молодые люди, — потёр руки Вячеслав Юрьевич, — форс-мажор. Бывает. Аккуратно упаковываем дроны. Каждый хватает по ящику на плечи — и вперёд. И меня тоже придётся поэксплуатировать. Да и вам, Сергей Борисович, один достанется. Уж не обессудьте.

— О чём речь? — спокойно ответил таёжник. — Не впервой по тайге вес тащить, справимся.

Глава 9. День второй. Мир духов. Утро.

Сумме слышала всё. Она не подслушивала — она просто была рядом, как бывает рядом туман, когда ему неоткуда уйти. Лёгкая, текучая, она клубилась недалеко от ольхи, пока Вейко говорил с волком, и каждое слово брата проходило сквозь неё, как игла сквозь дым.

Она слышала, как Вейко спрашивал про книжку. Как велел Велли вести людей по ложному следу. Как говорил «справедливость» — и как в этом слове не было ни капли правды. И она слышала, как брат упомянул её — «сестра, которая согласилась помочь».

Согласилась. Не зная, что туман её ляжет над лагерем людей, не просто чтобы скрыть волка, который украдёт карту, а что её помощь — это приманка, на которую людей поведут на погибель.

Сумме ждала, пока Велли уйдёт. Ждала, пока последний отзвук его лёгких лап утонет в тишине леса. Потом поднялась из-под корней — медленно, неохотно, как поднимается туман с болота на рассвете, — и встала перед братом.

— Зачем ты это сделал?

Голос её был тих, без укора, без гнева, ведь она любила его. Вейко даже вздрогнул: он не ожидал, что она окажется здесь. Не предполагал, что услышит их разговор.

— Что именно? — он улыбнулся. Той же обманчиво милой улыбкой, что и Велли. Но Сумме не волк. Она видела брата насквозь, потому что сама была туманом.

— Ты сказал мне, что туман нужен, чтобы скрыть тропу, ведущую к месту силы. Что нужно остановить людей. Ты не сказал, что это ловушка, где их ждёт смерть. Ты использовал меня, Вейко.

— Я использовал? — он чуть склонил голову, и в его чёрных, как уголь, глазах мелькнул огонь — не вины, нет. Расчёта. Он прикидывал, какой ход выгоднее.

— Ты использовал мой туман, чтобы они не видели волка. Чтобы потеряли дорогу. Чтобы убить их.

Вейко помолчал. Потом вздохнул — глубоко, устало, как вздыхают, когда разговор идёт не по плану.

— Ты знаешь, что сделал со мной Юмой? — спросил он, и голос его стал другим: не ядовитым, не ласковым — просто тихим. — Он забрал моё имя. Мою силу. Всё, чем я был. Остался ум — и то лишь потому, что иначе было бы слишком жестоко даже для него. А он, знаешь, не умеет быть жестоким.

— Я знаю, — мягко сказала Сумме. — Но это не повод...

— Не повод? — перебил он. — Сумме, я не прошу тебя убивать. Я прошу тебя быть со мной. Ты — единственная, кто остался. Ханд воспитал Велли, но Ханд — не наш. Юмой меня судил и бросил. Вспомни, как он поступил с нашим отцом. И остальные отвернулись. Если теперь и ты отойдёшь...

Он не договорил. Опустил голову — и Сумме увидела, как дрогнули его плечи. Может, это было притворство. Может, нет. Она не могла сказать наверняка. Любовь к брату не позволяла сохранять ум холодным. В этом и был дар Вейко: никогда не знать, где правда, а где искусная ложь.

— Я не прошу тебя вредить людям, — прошептал он. — Я прошу: не оставляй меня. Твоя любовь настоящая, без притворств. Разве она может предать?

Сумме замолчала. Туман вокруг неё стал гуще, словно она втянула его в себя, чтобы не расплакаться. Он был прав — или почти прав? Она не знала. Она чувствовала его боль, и боль была настоящей, даже если слова вокруг неё — нет.

— Хорошо, — тихо сказала она. — Я не уйду, но помогу людям, если ты причинишь им вред.

— Договорились, — легко кивнул Вейко. И Сумме поняла, что он не услышал её слова. Или услышал, но то, что хотел услышать. Как всегда.

Она отошла от брата неслышно и поспешила за волком. По его следу. Горячему, как кровоточащая рана. Сумме держалась выше деревьев, между ветвей, невидимая для волчьих глаз.

Она догнала его, когда люди уходили, а Велли молча провожал их. Туман спустился, и Сумме заговорила — тем же шёпотом, что и у ольхи, тихим, как шелест падающих листьев.

«И чужие уже ведут их не туда.»

Велли дёрнулся, шерсть встала дыбом. Он узнал её — она видела, как замерли его уши, как расширились зрачки. Он понял. Это было предупреждение, и он принял его.

Больше она ничего не сказала. Туман поднялся и ушёл, оставив волка одного у дороги. Пусть думает. Пусть решает сам. У неё не осталось сил на него — теперь нужны были силы для себя.

Глава 10. День второй. Мир людей. День.

Отряд долго пробирался через заросли молодняка. Ноги гудели, рюкзаки давили на плечи, каждый волочил за собой алюминиевый ящик. Костя шёл злой.

— Вячеслав Юрьевич, вы не говорили, что мы будем эти бандуры на себе таскать. Мой отец дал достаточно денег, чтобы организовать экспедицию комфортнее. И что в итоге?

— Терпи, Костя, — с упрёком ответила Катя. — Я, девушка, и то молча его тащу, а ты ноешь.

В кармане у Александра завибрировал телефон. Он мельком глянул на экран и замер.

— Ребята, — тихо сказал он. — У меня появилась связь. Одно деление.

Все остановились и столпились вокруг него.

— Откуда связь? — удивился Костя, доставая свой. — Я всю дорогу проверял — ни одного деления. Смотрите, вот и сейчас нет ничего.

— И у меня нет, — сказала Даша.

— Как показывает график движения спутника, который нам дали в МЧС, сейчас он вне зоны, — тряся бумажкой, заявил Вячеслав Юрьевич. — Никакой связи тут быть не может.

На экране у Александра связь показывала — слабая, нестабильная, но она была.

— Странно, — пробормотал он. — Откуда же тогда она у меня? Давайте запустим дроны и отправим ящики к месту нашей будущей остановки.

Где-то хрустнула ветка. Сергей Борисович нахмурился. Он свернул с тропинки, быстро оглядел лес, вернулся и, подойдя к Александру, взглянул на экран, покачав головой.

— Не пользуйся им. Не здесь.

— Почему? — удивился тот.

— Потому что в этих лесах связи быть не может, — твёрдо сказал проводник. — Я знаю эти места двадцать лет. Здесь никогда не было вышек. Ни одной. И ваш спутник пока не ловит. А раз она появилась — значит, это не та связь, которой можно доверять.

Повисла тишина. Александр почувствовал, как от телефона повеяло холодом. Он медленно убрал его в карман. Катя переглянулась с Дашей. Вячеслав Юрьевич нервно поправил очки.

— Вы думаете... это как-то связано с тем, что произошло ночью? — тихо спросила Даша.

Сергей Борисович не ответил. Он смотрел вглубь леса, туда, где между стволами мелькнула и пропала серебристая тень. Он понимал, что волк рядом.

«Я знал, что ты снова придёшь ко мне», — подумал он.

— Нам надо идти. И как можно быстрее, — произнёс проводник вслух.

Сергей Борисович повёл группу по едва заметной тропе, которую знал только он. Ветки хлестали по лицам, мох чавкал под ногами и будто пытался засосать ящики, а воздух становился тяжелее — словно лес сгущался вокруг них, сужая пространство.

— Сергей Борисович, — выдохнула Катя, поравнявшись с проводником, — у меня такое чувство, что мы ходим по кругу.

— Не по кругу, — не оборачиваясь, ответил он. — Мы идём коротким путём. К вечеру выйдем к озеру, там хорошее место для стоянки.

— Откуда вы знаете про озеро? — вмешался Александр, разворачивая на ходу лист с напечатанной картой. — Здесь, как я вижу, нет никакого озера. Ближайший водоём — Пáхка, в семи километрах к северо-западу.

— Карта, — усмехнулся Сергей Борисович. — Ваша карта старая. Озеро появилось лет пять назад, после того как бобры запрудили ручей. Это ламбушка — так мы, местные, называем маленькие безымянные лесные озёра. Их сотни в карельской тайге. Мы про это знаем, но вы же не спросите — вы картам верите.

Катя прищурилась, сверяясь с отметками на карте.

— Сергей Борисович, а почему не по прямой к Пáхке? Мы ведь ушли в сторону.

Проводник чуть сбавил шаг, но не обернулся.

— Потому что к Пáхке нам устроили западню, — глухо произнёс он. — А по моей тропе пока безопасно.

Даша вздрогнула. Как будто снова услышала тот сухой, неживой смех... и шаги. Невесомые, что ночью слышались у палатки. Она поняла, о чём говорил таёжник.

— А вы не думаете, что мы вообще заблудились? — резко спросил Вячеслав Юрьевич. — Сначала дроны не работают, потом связь какая-то призрачная, а теперь вы нас ведёте не к Пáхке, а к какому-то безымянному озеру! Я понимаю, что вы опытный проводник, Сергей Борисович, но мы отклонились от маршрута уже на три километра. У меня есть координаты

точки сбора, и мы должны быть там завтра к полудню. Если мы продолжим идти по этой тропе, мы опоздаем.

— Опоздаем? — переспросил Сергей Борисович, остановившись. — Вячеслав Юрьевич, вы наняли меня, чтобы я провёл вас через эти леса. Я знаю дорогу, знаю каждое дерево, каждую кочку. И я говорю вам: на тропе к Пáхке нас поджидают.

— Откуда вы знаете? — спросил Александр.

Сергей Борисович помолчал, потом медленно обвёл взглядом каждого.

— Потому что я чувствую. Чувствую, что кто-то хочет, чтобы мы пошли по вашему маршруту. Туда, где нас ждут.

Он перевёл дух и добавил:

— Я не знаю, кто или что это. Но я знаю одно: если мы послушаемся ваших карт и навигаторов — мы не дойдём.

Лес замер, прислушиваясь к его словам. Тени под деревьями становились длиннее. Лёгкий ветерок неожиданно обдал прохладой.

— Я вам верю, — тихо сказала Даша. — Не знаю почему, но верю.

Катя молча кивнула.

Вячеслав Юрьевич вздохнул, снял очки, протёр их и водрузил обратно.

— Хорошо. Ведите, Сергей Борисович. Но если мы не выйдем к вашей ламбушке к вечеру — я буду настаивать на возвращении к маршруту.

— Договорились, — кивнул проводник и развернулся, продолжая путь.

Александр и Костя переглянулись, но промолчали. Отряд двинулся дальше.

И никто из них не заметил, как в ста метрах позади, между стволов, мелькнули два изумрудных огня. Только Сергей Борисович, оглянувшись, успел перехватить взгляд волка. А тот уже шёл за экспедицией, держась в тени, — верный, преданный, но раздираемый болью и сомнениями.

Волк знал то, чего не знал Сергей Борисович. Ламбушка была не спасением — она была погибелью. Именно туда, к этому безымянному озеру, и должен был привести людей ложный след. Сергей Борисович своим чутьём ушёл с тропы к Пáхке, думая, что обходит засаду, — и вышел ровно туда, куда его вели. План Вейко сработал хитрее: Сергей Борисович шёл впереди — живой, тёплый, совсем близко — и не знал, что сам, по своей воле, ведёт людей на погибель.

«Сначала нужно спасти брата», — напомнил себе Вейли. Он знал, что скажет ему, когда они останутся наедине. А значит, до поры до времени ему придётся играть по правилам Вейко — даже если эти правила ведут их всех в пропасть.

Глава 11. День второй. Мир духов. День.

Болото встретило Сумме привычным запахом торфа и гнилых корней. Здесь, на самом дне мироздания, где земля ещё не решила — быть ей сушей или водой, жила тётушка Сойден.

Она была древней. Не такой, как Юмой, но достаточно, чтобы помнить времена, когда болота были реками, а реки — морями. Она носила облик статной женщины, с мягкими, почти детскими глазами, в которых горел жёлтым огнём змеиный взгляд. В этом несоответствии была вся её суть: снаружи — кротость, внутри — расчёт, отточенный веками.

Сумме нашла её у топи, где Сойден перебирала корешки, бормоча что-то себе под нос. Богиня, как любила себя называть она, подняла глаза, и лицо её расплылось в улыбке — тёплой, воркующей, как у бабушки, которая соскучилась по внучке.

— Сумме, дитя моё! — она протянула руки, и Сумме невольно подалась вперёд — так уютно и безопасно звучал этот голос. — Иди сюда, скорее! Как я рада видеть тебя! Ты почему так долго не заглядывала ко мне? Что случилось? Ты бледна, дитя моё. Бледна, до безобразия. Не как утренний туман, а как поганка по берегам моего болота.

Сумме опустилась перед ней мягким туманом. Сойден гладила её по клубящимся волосам, и от прикосновений шёл запах сушёных трав и болотной воды. Сумме говорила — сбив-

чиво, путано, как говорят, когда долго держали в себе горечь отчаяния. Про Вейко. Про туман. Про волка и людей. Про ложный след и про то, что брат использовал её любовь как оружие. Про то, что брата захлеснула месть.

Сойден слушала, не перебивая. Кивала, охала, цокала языком. Когда Сумме замолчала, она вздохнула и погладила её по щеке.

— Бедный мальчик, — прошептала она. — Бедный, бедный Вейко. Сколько он вынес. Как же ему, должно быть, одиноко.

— Тётушка, — Сумме подняла на неё глаза. — Он ведёт людей на смерть. На погибель. Мне нужно их остановить. Скажи, как.

Сойден помолчала. Потом наклонилась к Сумме — так близко, что их лица почти соприкоснулись, — и голос её стал мягче, доверительнее, будто она делилась тайной.

— Дитя моё, а кто ты такая, чтобы судить брата? Он старше. Он мудрее. Он знает, что делает.

— Но люди...

— Люди приходят и уходят, — мягко перебила Сойден. — Они рубят лес, выжигают его, гремят своими железными монстрами. А Вейко — твой брат. Кровь. Ты отвернёшься от крови?

Сумме сжала губы. Это был тот же довод, что и у Вейко — но поданный иначе, не язвительно, а с такой теплотой, что отказать казалось предательством. Может, она и вправду не права?

— Я не отвернусь, — сказала она. — Но я не хочу быть орудием. Не хочу нарушать закон тайги!

— Орудием? — Сойден тихо рассмеялась — ласково, без злобы. — Ты не орудие, дитя. Ты — его сестра. Помогай ему. А когда придёт время, он сам поймёт, где прав, а где нет. И это будет его выбор. Ты тут ни при чём. Не вини себя понапрасну. Юмой отнял у него всё — пусть хоть ты останешься рядом.

Сумме смотрела на тётушку и вдруг увидела в её глазах, за маской мягкости, не сочувствие, не любовь. Её змеиные зрачки сузились. Это был хитрый взгляд. На губах тётушки мелькнула тень улыбки, которая не имела отношения ни к Вейко, ни к переживаниям Сумме. Она почувствовала: тётушка рада. Не тому, что племянница страдает, а Вейко готов идти против закона тайги, а тому, что брат пошёл против Юмой. У тётушки созрел план.

«Она не мне помогает, — вдруг поняла Сумме. — Она себе на уме».

— Спасибо, тётушка, — тихо сказала она и поднялась.

— Уже уходишь, дитя? — Сойден искренне удивилась. — И даже не полюбишься на Лёса? Он теперь помалкивает.

Сойден кивнула в сторону коряги, под которой притаилась жаба.

— Извини, тётушка, у меня есть дела поважнее, — тихо ответила Сумме.

— Не волнуйся, милое дитя, — Сойден обняла племянницу. — Всё образумится, вот увидишь. Всё будет хорошо.

Но в голосе старухи «хорошо» звучало так, будто она это говорила себе, а не Сумме.

Утренний туман отяжелел. Он стал рваным, словно Сумме растратила себя в разговорах и больше не могла держать форму. Брат использовал её. Тётушка — тоже. Каждый тянул в свою сторону, и в каждой стороне была не любовь, не жажда правды и справедливости, а выгода.

Она растеклась по камню у края речки и долго смотрела в воду. Оттуда смотрело её отражение — размытое, неясное, как будто даже река не узнавала её теперь.

Вейко не услышит. Сойден не поможет. Велли — орудие, он не может спасти ни себя, ни людей. Юмой — тот, кто всё начал, и к нему не пойдёшь: у него своё видение.

«Кехно, — вдруг подумала она. — Маленький Кехно. сын Ханда. Он пошёл к людям. Он должен помочь ей. Он — единственный, кто не врёт, не манипулирует, не ищет выгоды. Он просто ворчит. И боится.»

Сумме поднялась. Туман её стал гуще, плотнее — она собрала себя, как реки собирают дождевую воду. Надо искать Кéхно. Лесной дух, который боится людей, — единственная надежда. Туман потёк между деревьями — бесшумно, осторожно, — и лес расступался, не препятствуя ему, так как всё понимал.

А к Вейко, тем временем, прискакала лягушка и стала настойчиво квакать.

— Ну что ещё? — устало спросил он. — Что за день сегодня. То никому не нужен, то всем срочно приспичело пообщаться со мной.

Лягушка продолжила рассказывать на своём языке.

— Тётка? — насторожился Вейко. — Ей-то что от меня надо? Сто лет не общались и ещё столько бы не разговаривал с этой ведьмой.

Он опомнился, резко глянул на лягушку и прошипел:

— Передашь ей эти слова, я тебя цапле скормлю! Понял?

Лягушонок тихо квакнул.

— Вот так, — Вейко хитро улыбнулся, сверкнув злым огнём чёрных глаз. — Цепляйся крепко за ветку. Я тебя сейчас вмиг доставлю обратно, к твоей хозяйке.

Он стал закручивать бедного лягушонка в ветряном потоке. Тот даже схватиться не успел. Подчинившись воле сильного, он зажмурил глаза и постарался расслабиться. Ветер поднял невинное создание и понёс прочь, вертя им во все стороны.

Сойден ждала Вейко с нескрываемым нетерпением. Она даже приготовила ему подарок — одеяло, сотканное из тумана. Она когда-то собирала остатки тумана за племянниками, когда они были детьми, и прятала его в болото. Что добру пропадать? Они по глупости напускали его с излишком. Тайга же любит равновесие во всём. Уж сколько веков лежит туман, а в болотных водах сохранился превосходно, как только что собранный. Вот и пригодился.

Поэтому, как только она почувствовала первые порывы ветра — расплылась в улыбке. Шикнула на лягушек, и те радостным хором проквакали приветствие.

— Ну наконец! Я уж извелась вся! — проворковала она, когда Вейко обнял её холодным ветром. — Ух, как от тебя теперь холодом несёт!

— Давай без этих лягушачих нежностей, — сухо ответил ей Вейко. — Вы сегодня как сговорились все. Сначала волк, потом Сумме, теперь ты. Что надо-то тебе? Говори. Я очень устал.

— Дитя моё! Как я тебя понимаю! Юмой жестоко обошёлся с тобой на совете, — продолжала ворковать Сойден. — Столько на тебя навалилось. Мне тут донесли, что ты затеял дерзкую месть. Вот об этом я и хочу поговорить с тобой.

— А с чего это вдруг я буду доверять тебе? — грубо спросил Вейко. — Вам с моим отцом до меня лет семьсот дела не было, а тут вдруг заинтересовались...

— Ну ты на отца-то не наговаривай! Вёден о вас с Сумме пёкся. Это старый Юмой всё не так понял. Ладно — это старая история, что было, того не воротишь. Раз ты мне перестал доверять, я сама тебе первая расскажу, как можно не только проучить Кéхно, но и отомстить Юмой за отца.

Вейко замолчал. Ветер утих и притаился у болота. Он задумался. А ведь хитрая старуха и вправду может помочь ему. Она прожила долго, много видела и слышала.

— Ладно, — мягче согласился он. — Рассказывай, что ты там придумала.

И Сойден, навесив над болотом завесу, чтобы шижлики да живность болотная не подслушивала, стала говорить...

— Умно, тётушка, — оживился Вейко. — Да ты упустила из виду, что Юмой забрал у меня силу. Я теперь и не Вейко, а так — пустой ветер.

— Ничего я не забыла, — обиженно ответила Сойден. — Вот какой тебе гостинец приготовила, глянь!

Она вытащила припрятанное в траве одеяло и расстелила его над болотом. Вэйко при-
нюхался. Поморщился и непонимающе глянул на тётку.

— Это же наш с Сумме детский туман, — пренебрежительно оттолкнув подарок, прого-
ворил он. — Как эта древность поможет мне?

— Глупый ты дух — сын тумана, — ласково проговорила Сбйден, а в глазах блеснул
огонь негодования. — Я вшила в этот туман заклятие своей силы. Тебе достаточно укутаться в
него на миг-два — и ты получишь часть моей силы. Она, правда, быстро иссякает. Но уходит
она не в пустоту, а обратно в одеяло. Так что кутайся в него почаще.

Вэйко опустил глаза. Ему стало стыдно перед мудростью тётушки. Он молча обнял её
лёгким ветерком, стараясь быть как можно теплее.

— Прости меня, — тихо проговорил он. — Я обещаю, буду учиться у тебя мудрости.

— Пользуйся, — коротко ответила Сбйден, — но помни, для чего я даю тебе эту силу.

Её глаза вспыхнули жёлтым огнём, и она улыбнулась.

— Лети, выполняя задуманное, но будь осторожен.

— Спасибо, тётушка, — прокричал Вэйко, покидая болото.

Глава 12. День второй. Мир людей. Полдень.

Чем дальше экспедиция уходила от основного маршрута, тем тише и необычнее стано-
вился лес. Сергей Борисович примечал это всё отчётливее — привычным глазом человека,
прожившего в тайге всю жизнь.

Мох на камнях потемнел, будто его придавило. Папоротник, ещё вчера сочный и упру-
гий, почернел на кончиках листьев, хотя дождя не было. На стволах сосен мох полез на южную
сторону, хотя ему полагалось расти на северной. Сергей Борисович никому о своих наблюде-
ниях не говорил. Только покачал головой. Будущие геологи, а примечать не научились. При
других обстоятельствах он бы им преподавал урок, но сейчас была другая ситуация. Лес вёл себя
странно. Пугать ребят таёжник не хотел. Пока не было повода.

Но странности не прекращались. В одном месте тропа раздвоилась, и не так, как от есте-
ственных причин: будто тут парад прошёл. Земля растоптана в обе стороны, следы от старых
военных сапог. Сергей Борисович остановился, осмотрел развилку. Свернул влево, подальше
от странных следов. Через сотню метров левая тропа вывела их к ручью, который замер без
течения. Катя прошла мимо, не заметив. Александр помог ей перетащить тяжёлое оборудова-
ние. Костя перешагнул ручей, волоча ящик прямо через воду. Она всколыхнулась и тут же
снова замерла.

Сергей Борисович слышал, что птицы вернулись — но вели себя они странно. Не пели,
а перекликались короткими тревожными выкриками, будто переговаривались за спиной у
группы. Сойки перелетали с ветки на ветку, совершенно не боясь. На прибрежных камнях
ручья мох рос не ковром, а кругами — ровными, идеальными, словно кто-то нарисовал их
пальцем. Вячеслав Юрьевич достал телефон, включил камеру и сфотографировал. Он не стал
обращать внимание группы на эту аномалию. А то начнут ещё про инопланетян рассказывать.
Но пометку себе он сделал. Есть над чем поразмышлять.

Катя с Дашей шли последними. Катя то и дело останавливалась, присаживаясь на кор-
точки. Она собирала травы. Отучившись в колледже на фельдшера, она разбиралась в народ-
ной медицине не понаслышке. Да и бабушка её была травницей. Она научила Катю различать
растения не по картинкам в учебнике, а по запаху, на ощупь, по тому, как лист сидит на стебле.

— Это шикша, — сказала она, показывая Даше невысокий стелющийся кустарник с чёр-
ными ягодами. — По-народному ещё ссыха зовут, или кудесница. Бабушка говорила, что отвар
из неё нервы успокаивает, лучше любого аптечного. А ягоды — от головной боли.

Даша аккуратно потрогала листик. Катя сорвала несколько веточек и убрала в матерча-
тый пакет.

— А вот это, — она кивнула на высокий куст с узкими листьями и лиловыми цветами, — иван-чай. Ещё копорским называют, или дремуха. Бабушка его от простуды заваривала, от воспаления — первое дело.

— Ты прямо как аптека на ногах, — улыбнулась Даша.

— Бабушка говорила: в тайге без трав — пропадёшь, — Катя повертела в пальцах стеблёк. — А вот эту не трогай — волчье лыко. Красиво цветёт, а так ядовита, что соком кожу сожжёт. Его старики «пухляком» звали. От нарывов иногда применяли, но в крошечных дозах — иначе беда.

— О, я смотрю, у нас фитоэкскурсия походу, — бросил Костя через плечо. — Может, ещё коллекцию гербария местного соберём? Прибыльное дело, между прочим. До Па́хки как раз успеем.

— Костя, ты бы ящики с лабораторным оборудованием аккуратнее тащил, чем языком молоть, — не оборачиваясь, ответила Катя.

— Ладно, ладно, — хмыкнул он. — Вы-то свои куда дели? На Александра и Вячеслава Юрьевича повесили? Не стыдно? Ладно, если что — я к вам за травками. А то мало ли, вдруг кто-то чихнёт. А у нас тут Катерина фитотерапией приторговывает.

— Не приторговывает, а спасает. Хотя с тебя не грех и втридорога содрать.

Даша, отстав от ребят, оглянулась. Ей показалось, что между деревьями кто-то прошмыгнул. То ли зверь, то ли необычный туман. Она поёжилась и оглядела лес. Вокруг одно и то же: деревья, кусты... и тень.

Она, прибавив шаг и выхватив у Александра свой ящик, потащила его вперёд, догоняя таёжника.

— Сергей Борисович, — тихо сказала она, — за нами кто-то следит. Всё время. С самого утра.

Тот не обернулся, не сбавил шаг.

— Я знаю, — так же тихо ответил он.

— И вам не страшно? — Даша вздрогнула.

— Поговаривают, — помолчав, ответил он, — что в этих лесах духи следят за путниками. Хранители, значит. Те, кто за лесом приглядывают. Если они рядом, бояться нечего. Так деды рассказывали.

— А вы верите в это?

Сергей Борисович ответил не сразу. Пожевал ус, прищурился на солнце. Посмотрел на Дашу и, отобрав у неё ящик, сказал:

— Деревья верят, звери и птицы. А я... Я просто наблюдаю.

Даша хотела спросить ещё, но из-за спины раздался голос Кости:

— Прикольно, я смотрю, тут у нас тайный спиритический сеанс в полевых условиях намечается. Сергей Борисыч, может, спросишь у духов, когда мы дойдём? А то я запарился ящик тащить. Девушкам-то легче, вон на мужиков скинули и довольные. А у меня как будто кто-то на нём сидит. Может, это дух? Типа домовой, только таёжный. Решил бесплатно прокатиться. Халявщик.

— Костя, — одёрнул Александр.

— Что? Я же по-доброму. Может, духи нам дроны починят? А то мы тут тяжести тягаем, как в каменном веке. Я, между прочим, папе звонил, когда связь ещё была. Он сказал, что за такое он...

— Костя, — Катя строго приструнила его сзади. — Помолчи. Пожалуйста.

— Всё-всё, — парень поднял руки. — Молчу. Только скажите, если духи кофе нам решат сварить. Я бы не отказался от латте на кокосовом.

Даша пошла рядом с Катей, но периодически оглядывалась на деревья. Та, заметив это, взяла Дашу под руку.

— Не накручивай, — шепнула она. — Борисыч знает, что делает.

— Я понимаю. Просто... мне не нравится, как лес смотрит.

Чуть позже, когда тропа вышла на пологий склон, Вячеслав Юрьевич вдруг остановился. Он долго смотрел на что-то у своих ног, потом снова достал телефон и сфотографировал.

— Сергей Борисович, — позвал он.

Таёжник подошёл. Перед ними, на краю небольшой поляны, лежал гранитный валун, вросший наполовину в землю. Поверхность камня была покрыта мхом, но кое-где он облетел, и проступили выбитые знаки: три волнистые линии — одна над другой; ниже — круг с витиеватыми лучами внутри; а рядом — фигура, похожая на крест, вписанный в квадрат.

— Капище, — сказал Вячеслав Юрьевич, и голос его дрогнул. — Древнее. Судя по степени разрушения — несколько веков. Может, больше.

— Здесь их много разбросано, — кивнул Сергей Борисович. — Местные жители издревле приносили дары духам тайги. Еду, шкуры, оленьи рога. Так старики говорили. Хорошо, что туристические маршруты досюда не добрались. Всё бы уничтожили.

— Это знак воды? — Вячеслав Юрьевич обвёл пальцем волнистые линии. — Как у славян.

— Похоже, — Александр наклонился ближе. — А круг с лучами — огонь? Солярный знак?

— И крест в квадрате — земля, — тихо добавила Даша.

Вячеслав Юрьевич ещё раз сфотографировал камень, бормоча про археологию и датировку. Костя, заглянув через плечо, присвистнул:

— Ничего себе. Это что, типа идол?

— Это не «типа идол», Константин, — сухо ответил профессор. — Это капище. Место, где древние жители общались с миром стихий. Знаки воды, огня и земли — символы трёх миров, по преданиям финно-угров.

— Ну да, — кивнул Костя. — Нашли местечко для общения. Вот бы тут ещё духи Wi-Fi раздавали. А то мы ящики тягаем, а могли бы дронами управлять телепатически.

— Костя! — Катя гневно сверкнула глазами.

— Что? Я ж по-доброму. Может, они нам связь починят. А то мы тут, типа, от всего мира отрезаны. Хотя, может, это и к лучшему. Папа не дозвонится — не будет истерик. И вам нагоняя.

Александр хмыкнул, но промолчал. Он подошёл к Кате, которая проверяла крепления на ящике.

— Круто ты с ним, — сказал он вполголоса, когда Костя отошёл. — И с дронами его так поддела — он аж поперхнулся.

Катя удивлённо подняла брови:

— Ты про кнопку?

— Про неё: «просто нужно было нажать вот эту кнопку». Я не помню, чтобы Костя после такого так долго молчал.

— Это правда было смешно, — Катя улыбнулась, и щёки её чуть порозовели. — Я вообще в дронах ничего не понимаю. Просто тыкнула наугад. Но вид у него был такой самодовольный, что я не удержалась.

— Зато ты единственная, кто его не боится, — сказал Александр. — Он перед тобой всё время спесь теряет.

— Это потому, что я его вижу насквозь, — Катя пожала плечами. — Он не злой. Он просто привык, что папины деньги всё решают. А здесь они не работают.

— Здесь много что не работает, — Александр чуть насторожился, но тут же улыбнулся. — А вот ты отлично справляешься с обязанностями врача.

Катя посмотрела на него — быстро, словно проверила, шутит ли. Не шутил. Она отвела взгляд и поправила лямку рюкзака.

— Пойдём, — сказала она. — А то отстанем.

Ламбушка открылась внезапно.

Тропа вильнула влево, нырнула под низкую арку из еловых веток — и перед ними, в ложбинке между двумя невысокими гранитными грядками, лежало озеро.

Оно было невелико — шагов двести от берега до берега — и идеально круглое, как будто его вырезали из земли огромным стаканом. Вода в нём была тёмной, почти чёрной, и настолько неподвижной, что отражала сосны на противоположном берегу с зеркальной точностью: каждое дерево, каждую ветку, каждую иголку. Будто существовали два леса — один над водой, второй под ней, — и разделены они лишь тончайшей плёнкой.

Солнце стояло высоко и заливало ложбину ровным, тёплым светом. Берега заросли мхом — не обычным зелёным, а бурым, вперемишку с ягелем и кустиками брусники, красной от спелых ягод. Кое-где из воды торчали коряги, обломанные и обтёсанные временем. Над озером стояла тишина, но не мёртвая — живая: слышно было, как шуршит ягель под ногами, как потрескивает кора на солнце, как где-то далеко стучит дятел. Кулик пронёсся над водой, крикнул тонко и пропал за деревьями. Солнце играло на тёмной воде, и в этом мерцании отражённый лес дрожал, дышал — словно был живым.

— Вот и озеро, — сказал Сергей Борисович и остановился на берегу. — Здесь заночуем.

— Какое же... — Катя не закончила. Она стояла на берегу, и голос её звучал тихо, будто озеро не терпело громких слов.

— Красиво, — согласился Александр, но смотрел не на озеро.

— Это всё бобры, — Сергей Борисович кивнул на противоположный берег, где из воды торчала низкая плотина из стволов и веток, скреплённых илом. — Запруда перегородила ручей, вода поднялась — и образовалось озеро.

— Серьёзно? — Александр присмотрелся к плотине. — Бобры построили целое озеро?

— Они всегда так делают, — проводник присел на корень. — Перегородят ручей — вода поднимается — лес вокруг затапливается. А бобрам только того и надо: вход в хатку под водой, хищники не доберутся. Ну а нам — озеро. У нас в деревне про такие говорят: бобровый дар. Они построили, а нам рыбачить.

— Ништяк, — протянул Костя, глядя на воду. — Даже я адмирую — красиво. Хотя я больше по отелям с завтраком, чем по бобровым озёрам. Но тут — респект.

— Вот видишь, — Катя улыбнулась. — А говорил, что тайга тебе не нравится.

— Я ничего не говорил, — Костя пожал плечами. — Просто я предпочитаю отдых с Wi-Fi. Но раз тут есть бобры, может, и нам что-нибудь полезное построят. Типа душевой кабины.

— Сейчас, — Александр покачал головой. — Бегут и спотыкаются.

— А жаль, — вздохнул тот.

Группа рассмеялась — впервые за день. Напряжение немного отступило.

Сергей Борисович выбрал место повыше, под старой сосной, чьи корни образовывали естественный навес. Костерок развели быстро — мох, сухие ветки, береста да можжевельная веточка. Огонь занялся не сразу, будто лес неохотно делился теплом, но потом затрещал, и по берегу поплыл дым — густой, пахнущий смолой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.